

Стенограмма 1-ой лекции Андрея Николаевича Сахарова, доктора исторических наук, профессора (1930-2019):

- Дорогие друзья, сегодня я прочитаю для вас лекцию, познакомлю с проблемой, которая, я думаю, является для нас для всех очень важной, существенной, о смысле истории, российской истории, о том, какова была эта история, как она соотносится с мировой историей, что представляет собой наша российская история, какое она место занимает в общей системе истории человечества. И моя лекция называется «История России – часть мирового цивилизационного процесса».

У нас очень часто любят рассуждать на тему о том, что у России особая статья, которая никому непонятна, недоступна, и у России, как говорил Тютчев еще, «...особенная статья, умом Россию не понять...», и так далее, и так далее. И вот я думаю, что к этому относятся и различного рода идеологии, которые на протяжении долгих столетий бытовали в нашем сознании, в нашей идеологии, в нашей пропаганде, в конце концов.

Ну, вспомним хотя бы знаменитую историю с созданием теории «Москва – Третий Рим», «Москва – не меньше, не больше, как Третий Рим». Разговоры шли о том, что Москва – это Святая Русь, это особый совершенно образ государства, образ мышления, образ сознания. В период Советской власти говорили и о партийности, о народности, об особом статусе сознания советского человека. Все мы ищем какую-то исключительность.

Конечно, исключительность, наверное, была в нашей истории, как и в истории всякого государства, но я полагаю, что все-таки вот эти попытки обособить нашу страну от мировой цивилизации, от мирового движения, они во многом были идеологически обоснованными, искусственными и не отражали вот существа дела, потому что в то же время наша страна испокон веков стремилась кого-то догнать и перегнать. Скажем, в московское время, в Московской Руси, потом в Петровское время. Петр тоже догонял, старался образцы какие-то с Запада привнести в нашу российскую историю, в наш российский быт, в наше российское сознание.

Позднее, уже в период послепетровский, тоже стремились рывками и рядом реформ усилить и развить движение России по пути прогресса, опять о прогрессе мы говорим. Позднее, уже в советское время даже Сталин, который считал... Ленин и Сталин, которые считали наш путь особым, который должен был осчастливить все мировое человечество, тоже не гнушался говорить о том, что надо там в 10-15 лет догнать и перегнать. Кого догнать, кого перегнать? В каком смысле догнать?

Вот опять мы упираемся в те же самые процессы, которые были, наблюдались в рамках всего человечества. И сегодня мы, с одной стороны, слышим разговоры о том, что нельзя мерить нашу российскую историю, нашу российскую культуру, нашу личность теми культурными ценностями, которые были достигнуты на Западе. У нас опять особенная статья, и вот эти параметры российской культуры, они не подвластны тем мировым тенденциям, которые главенствуют сегодня в мировой истории, в мировой культуре, в мировом сознании. Об этом говорят очень многие видные общественные деятели, и церковные иерархи.

И опять мы пытаемся тем самым как-то вот отделить российские процессы, российского человека, российское сознание от общемировых процессов. И в то же самое время мы опять упорно говорим, что надо догнать, надо перегнать, надо повысить, надо усилить, то есть, добиться вот тех, по крайней мере, параметров образа жизни и свобод и обеспеченных всех нашей экономикой и социальными, политическими отношениями, которые есть на Западе.

Но в чем проблема, вот как это одно с другим сопрягается? Я все-таки думаю, что надо здесь нам договориться о тех критериях, о тех общих понятиях, которые вот и составляют сущность прогресса духовного, материального образа жизни, прав и свобод людей и так далее. И, когда мы с вами говорим о мировой истории, то, оказывается, что все страны, все народы, все континенты, как правило, идут по одному пути, по одному пути с особенностями, со своими какими-то национальными моментами, которые не

подвластны другим странам и континентам народам. Но, тем не менее, основные пути они проходят все.

Почему? Да потому, что история человечества – это организм единый, организм цельный, только условия жизни людей на этой планете, на этих континентах разные: климатические, географические, демографические и прочие, они разные, но ... и по-разному они воплощают вот те ценности, которые стегает человечество как цельный организм.

Ну, начнем с примитивных вещей. Начнем с того, что вот история человечества, как мы говорим сегодня и доказано уже, и человек таковой появился на Свет Божий, как человеческое существо, выделившееся из животного мира два миллиона лет тому назад. Другие говорят, что это не два миллиона лет тому назад, а это пять миллионов лет тому назад. Вот от 2 до 5 миллионов сегодня разговор об этом идет. И нашли эти останки древнего человека не в Европе, не в Северной Америке, не в Китае, не в Индии, там, где в дальнейшем цивилизация развивалась, эти останки первых существ человеческих зародились в Африке, в Западной Африке. Вот оттуда начинается вот эта история человеческого рода, то есть, можно прямо сказать, что все мы – выходцы генетически по древним корням из Африки практически. И вот древние эти африканские ... ставшие на ноги люди, ставшие трудиться, – это первые африканцы. Нравится кому-то или не нравится, это так. Это не Европа, это не Россия, это Африка.

Позднейшие этапы – это явление Кроманьонской цивилизации, кроманьонцы – тоже выходцы из Африки. В дальнейшем неандертальцы, индоевропейцы, те, которые, значит, люди, которые расселялись на территории Европы, сначала неандертальцы, потом кроманьонцы, потом индоевропейцы – все это территории, которые охватывали южные районы Европы. Это Средиземноморье, Западная Азия, вот оттуда начинаются эти цивилизационные процессы.

Поэтому у нас общие корни, общая родня, как говорится, генетическая. И, я думаю, что вот это один из тех моментов, которые нам необходимо всегда помнить, когда мы говорим об общности человеческой цивилизации, об общности культуры. И Россия была там же, в этих корнях, в этой генетике.

Кроме того, необходимо говорить о том, что технологический это образ человека, образ жизни, он развивался тоже не только вот на территориях, которые сегодня достигли каких-то высот, но и повсеместно, повсюду в разные хронологические этапы.

Ну, возьмем такие элементарные вещи. Колесо изобрели, потом транслировали этот опыт на все, на всю Европу, на всю Азию. Изобрели впоследствии, впоследствии стали пользоваться огнем, все стали пользоваться огнем, изобрели в период нетехнологической революции лук, стрелы, крючок рыболовный, лодку и какие-то другие приспособления, постепенно все это транслировалось по всем странам, по всем весям, градам, континентам. Я думаю, что вот эта общность, трансляция первого технологического опыта и развитие этого опыта – это тоже момент, который мы должны учитывать, говоря об общности цивилизации и мировой, европейской, российской цивилизации.

Маленький любопытный пример. Океаны не позволили транслировать, скажем, опыт создания леса, использования конной тяги, скажем, в Америке, в Латинской Америке, и в течение долгого времени до прихода европейцев, португальцев и испанцев на американский континент, они не знали колес, не знали конной тяги. И вместо лошадей они использовали тягу животных, ламы тянули сани. Вот вам пример того, как отсутствие трансляции опыта, прерывистость в развитии вот этой цивилизационной линии привело к тому, что латиноамериканская цивилизация развивалась в этом смысле обособленно, отдельно, и, возможно, это явилось причиной того, что, скажем, латинская цивилизация, латиноамериканская, она намного отстала от каких-то канонов общеевропейских, от мировых канонов и так далее. Чего-то добились в этом смысле технологии цивилизации восточные, индийские, китайские. Но все это, я думаю, было в общем таком, цивилизационном котле, который, в конце концов, достался и нам, и России. Позднее,

правда, у нас это появилось, все эти новации, поскольку цивилизация зарождалась там, где это было удобно, где это было комфортно людям для жизни, для их интереса. Но впоследствии все это передавалось по всем континентам и достигало, в конце концов, и российской цивилизации, России.

Я думаю, что, когда мы говорим об образе жизни, о личности человека, мы всегда должны иметь в виду не только технологические моменты, но и вопросы, связанные с культурой, с духовностью, потому что человек недуховный, человек, не имеющий опыта культурного и мирового развития, он, естественно, отстает, он не может так активно строить свою цивилизацию, свою активную жизнь на этой планете. И понятно, что в этом смысле тоже необходимо нам смотреть, как мировая цивилизация сопрягалась с российской цивилизацией.

Ну, скажем, возьмем вопросы, связанные с письменностью. Письменность возникла, как известно, 5 тысяч лет тому назад, впервые, это район Африки северной, район Мисопатамии, Западной Азии, письменность пригодилась вот в этом регионе. Она потом транслировалась, передавалась, опыт письменности тоже шагал по планете. Письменность, скажем, в нашей стране появилась на рубеже 8-го – 9-го веков, тоже трансляция была опыта письменности. Это была другая письменность, конечно. Это была письменность, которая уже соответствовала уровню развития, образу жизни наших людей, наших племен, нашего рождающегося государства, Руси, но появилась, в конце концов.

Возьмем такую проблему, как создание образования, университетов. У нас университет был создан в 1755-ом году, Академия – в 1725-ом году, то есть, 18-й век. Европейская цивилизация знала опыт создания и университетов, и опыт создания академий. Первые университеты в Европе появились в Италии, появились в Англии, во Франции, в 12-ом веке, в 13-ом веке. Скажем, первая Академия появилась как таковая при дворе императора Карла Великого, франкского императора, создателя Франкского государства, и создателя и вообще европейской цивилизации, Европы как таковой.

У нас появились университеты позднее. Но они появились тоже. Вот этот опыт постоянный, обмен, трансляция этого опыта, она тоже является частью составной общемировой цивилизации и общемировой истории, в том числе и российской истории.

Наконец, я думаю, надо говорить и о таких явлениях общей истории человечества, как развитие, скажем, таких явлений, как религиозные реформации, проблемы Возрождения, какое значение имело для него развитие, скажем, эпоха Возрождения итальянская? Огромное имело. Она перевернула всю систему ценностей европейских народов. И она потом влияла и не на не только европейскую систему культуры, образования, воспитания, но и на Восточную Европу, на Россию в меньшей степени, правда. Или возьмите реформацию религиозную, которая была открыта откровениями Лютера в Германии. Тоже совершенно иные появились образы религиозные и понятия в связи с появлением уже совершенно нового восприятия христианства протестантскими кругами, которые возглавил, я говорил, Лютер. Это все тоже ощущалось в рамках всей Европы. До нас доходили эти веяния, у нас тоже в 16-ом веке, в 15-ом веке, в 16-ом веке появились ереси, появились суждения о необходимости реформы церкви. То есть, это была общая ситуация, которая влияла на весь мир.

Или возьмите географические развития. Колумб, потом Магеллан, потом позднее Кук и другие великие мореплаватели, которые открыли миру целый мир, открыли и Америку, открыли и острова, и цивилизации Атлантики, Тихого океана, открыли Австралию, Новую Зеландию, и так далее и так далее. Россия тоже была в рамках вот этих общих устремлений человека в познании нового, в познании новых культурных ценностей, новых каких-то открытий в рамках географических понятий.

Возьмите, скажем, знаменитый поход Дежнева в 17-ом веке, возьмите, скажем, открытия, которые демонстрировали Хабаров, Атласов, который появился на Аляске. Очень часто мы замалчиваем этот вопрос, связанный с ролью России в деле освоения планетарных пространств. Мы хорошо знаем Кука и Магеллана, понимаете, и мы хорошо

знаем их влияние на мировое развитие, но мы плохо знаем о том, что одновременно с этим, чуть позднее русские землепроходцы, казаки, стрельцы, купцы, миряне обычные вместе с церковными людьми продвигались по просторам от Урала до Сибири, Дальнего Востока, переплыли Берингов пролив, появились на Аляске, появились в Калифорнии, недалеко от района будущих американских поселений. Это тоже были прорывы наши цивилизаторские прорывы, прорывы России к познанию всего окружающего мира. Это все тоже влияло на общее развитие нашей страны в рамках общечивилизационного развития всего человечества.

Я думаю, что эти примеры мы могли бы с вами продолжить и во многих отношениях, и, в частности, мне бы хотелось сказать еще о том, что не только технологии, не только образование, не только культурные вопросы здесь транслировались по всем мировым направлениям, но и вопросы, связанные с политическим устройством мира.

Вы помните, что первые политические устройства, если их так можно назвать, это племенные организации, это племенные структуры, позднее государственные структуры, позднее первые авторитарные государства, первые автократические государства, первые империи, и так далее и так далее. В конце концов, человечество медленно, но верно продвигалось путем сложных противоречий, борьбы, поисков, войн к тем канонам развития политической культуры, которые, в общем, мы имеем сегодня, в начале 21-го века. А сегодня думается, что верхом достижения человечества в области политического развития явилось это на сей день, пока другого мы, так сказать, не знаем более высокого уровня развития политической культуры, это парламентарная республика, и республика, которая базируется на участие широких народных масс в создании политического государства, и в создании управления своих собственных стран.

И вот по мере этого развития, по мере этого движения мы должны говорить о том, что личность человека раскрывалась все более и более полно, все более и более откровенно. Появилось понятие «демократия», понятие «свободы», понятие «прав человека», все вело в одном направлении к гражданскому обществу, к тому состоянию человеческой свободы, которая, в общем, в странах наиболее развитых сегодня достигается, достигалась путем сложных перипетий, борьбы, проблем больших, сложных, серьезных и так далее и так далее.

И надо сказать, что в этом отношении наша страна тоже находилась в рамках вот этого общего цивилизационного политического развития. Мы тоже прошли и племенной строй, мы прошли и начало нашей государственности, мы прошли и период автократии, период империи, мы прошли периоды, связанные даже с диктатурой, периоды 20-го века с периодом диктатуры Сталина, с тоталитарным государством. В конце концов, вот в 90-е годы мы пришли к тому, что мы называем сегодня нашим демократическим государством, в Конституции которого записаны права и свободы людей, право частной собственности, право на рыночные отношения и так далее, и так далее. То есть, мы тоже вступили в эту систему, вступили в этот строй, хотя многим, конечно, это не нравится, и кто-то против этого выступает.

Я думаю, что необходимо, говоря вот об этих общих сдвигах в процессе мировой истории, в процессе истории человечества, и о том, как наша отечественная история встраивалась в эту систему, задать себе вопрос – что явилось рычагом, что явилось движущей силой вот этого движения? Почему люди, в конце концов, от пещер пришли к римским городам, почему они построили дороги, которые сегодня для нас являются образом? Кстати говоря, вот города и градостроение, мегаполисы, о которых мы сегодня с таким уважением говорим, они впервые появились в системе Римского государства. Дороги, о которых мы сегодня тоже с таким уважением говорим, и вспоминаем даже о том, что в России в течение долгого времени не было дорог, потому что было много дураков, и сегодня мы говорим, что у нас будут дороги, не будет дураков, и я думаю, что вот это тоже все относится к периоду еще Римского государства, к Римской эпохе, Рим нам дал города, дороги, и прочее, прочее.

Что явилось вот движущей силой, что явилось рычагов вот этого развития повсеместно, от глухих углов до таких крупных очень центров культуры? Я думаю, что правы те философы, историки, которые считают, что главный рычаг в развитии человечества, это человеческий интерес, человеческий интерес. Вот об этом говорили не только философы древности, крупные деятели историософы, экономисты 16 - 18 веков, но и такой любимый нами до сих пор еще ценимый, уважаемый деятель, как Маркс, который в своих трудах говорил, что главный интерес человеческой истории — это интерес человека.

И вот как человек в своем интересе осуществлял это движение по мелочам в каждом отдельном случае, в каждом отдельном моменте, и, в конце концов, создавал и города, и дороги, и университеты, и прочее и прочее? И я думаю, что ответ здесь очень простой, что рычагом всего этого дела было наличие возможности для каждого человека иметь в личном интересе, иметь то, что он заработал своим трудом, то, что он добился своим вдохновением, своим талантом, своим упорством, и то, что он приобрел себе сам. Это вопрос, связанный с личной собственностью, с частной собственностью на орудие и средства производства.

Частная собственность — это великий двигатель человеческого прогресса. Вместе с частной собственностью идут рыночные отношения, идет человеческий интерес, вместе с частной собственностью развиваются и права и свободы людей, потому что давить человека и отдавать ему возможность свободно приобретать, создавать, присваивать, это невозможно. Там, где нет частной собственности, там нет свободы. Там, где есть частная собственность, там есть гарантия, что человек будет свободно развиваться и добиваться своего интереса. Это одна сторона проблемы.

Но на этом мы не можем останавливаться. Проблема частной собственности, это проблема не только благодатная, могучая, движущая, но это проблема, связанная с большими потрясениями для людей, это борьба за собственность, это борьба за присвоение, это борьба за те блага, к которым человек стремится в рамках отдельной семьи, отдельного города, отдельного государства, отдельного региона. И проблемы частной собственности связаны не только с благодетельными, с великими событиями в нашей истории, на нашей планете, и в том числе и в России, но и с кровавыми событиями, с борьбой, с войнами, и так далее, и так далее.

Это и на Западе, и на Востоке, и в Латинской Америке, и в Индии, Китае, и в России в том числе.

Думаю, что любой человек, который меня сегодня слушает, он может задаться таким вопросом. Собственно говоря, а вот революции, о которых Маркс, Энгельс и Ленин, другие деятели революционные писали, говорили, какое место они занимают вот в этом процессе и на Западе, и на Востоке, и в России, в том числе? Какое значение имела, скажем, Октябрьская революция 17-го года, которая привела к крушению системы буржуазной, капиталистической, основанной на частной собственности, кстати говоря, и 70 с лишним лет эта система существовала в Советском государстве. Это что, прогресс истории, или это регресс истории? Это движение вперед, рывок вперед, или это откат нашей истории отечественной, в том числе и мировой истории?

Для основной массы населения российского того периода это был, несомненно, колоссальный прорыв, прорыв личностный... несмотря на прогрессы, которые были в это время в условиях реформ Столыпина, там скажем, и продвижения первых буржуазных каких-то канонов в российской экономике, градостроительстве, железнодорожном строительстве, и прочее, прочее, тем не менее, все-таки Россия к началу 20-го века была страной достаточно нищей, убогой, и люди жили, прямо скажем так, плохо.

И вот для этих людей, как я их называю, униженные и оскорбленные, вот для этих людей, конечно, события 17-го года и последующее создание советской цивилизации — это было прорывом и прорывом достаточно серьезным вот к тем идеалам, к которым они стремились.

Но что это были за идеалы – вот вопрос? Я вспоминаю одни мемуары, которые оставили строители Сталинградского тракторного завода, который строился в конце 20-х – в начале 30-х годов. Приехали люди на строительство этого завода из деревни, мужчины, женщины по мобилизации, кто-то по своему собственному желанию, ... и они с восторгом вспоминали, как они впервые из этих самых своих курных изб, из бараков пришли в коммунальные квартиры, не в общие квартиры, а в коммунальные квартиры, где из крана текла горячая и холодная вода. Они были потрясены этим состоянием, что у них водопровод, что у них в доме в 20-ом веке в 30-е годы появился нормальный туалет и цивилизация. Для них это было колоссальный прорыв, это было счастье этих людей. И эти люди, действительно, боготворили вот ту мир, ту систему, которая была создана после Октябрьской революции, и в 20-30-е годы. Их мало беспокоили репрессии, их мало беспокоили заботы, которые в то время обуревали интеллигенцию, обуревали писателей, художников, артистов, которые бежали из этой страны, и тот же Шалапин, которого уплотнили и дали одну комнату; и тот же Рахманинов, рояль которого выкинули со второго этажа и которого объявили буржуем. Он говорил, какой же я буржуй, я же такой же народ, как и вы? – Нет, ты буржуй...

Уехал Рахманинов, уехали десятки, сотни и тысячи людей. И страна в этом смысле была интеллектуально на много обессилена, обескровлена.

И возьмите пароход знаменитый философский 1922-го года, когда крупнейшие лидеры интеллектуальной элиты российской были высланы по решению советского правительства, среди которых были и будущий лидер социологии Питирим Сорокин, и будущие знаменитые ученые и профессора, и другие деятели. Каждый из них за границей создал школу, за каждым из них была огромная интеллектуальная сила. Мы всего этого лишились.

- Что лучше и что хуже? Для десятков миллионов людей лучше, видимо, в тот период был режим, который установился в Советском Союзе после революции. Для людей, у которых имелись другие модели образа жизни и качества жизни, для них это все было ужасно, для них это все было откатом назад, для них это все было совершенно бессмысленно.

Вспомните известное произведение Булгакова «Собачье сердце». Для Шарикова идеалы были в одном, и он был предан этим идеалам, для профессора Преображенского идеалы были в другом. Он не понимал, почему нужно красть галоши, почему нужно делать то или другое? Для профессора это было совершенно непонятно. Столкнулись два мира, два мира. И вот на столкновении двух миров мы должны четко совершенно осознавать, когда говорим о событиях Октябрьской революции и о движении человека по пути прогресса в советском периоде того времени.

Мы можем задать себе такой вопрос, а вот на уровне мировой цивилизации того периода это был прогресс или это был не прогресс, это была остановка, откат или замедление человеческого прогресса? Все-таки, как это не грустно признать, все-таки мы должны руководствоваться здесь критериями не чисто российскими России.

Неслучайно, неслучайно, всегда разговор шел о том, чтобы догнать и перегнать, добиться тех образцов, которые добились уже даже рабочие, крестьяне, фермеры, скажем, в западных странах.

В конце концов, в конце концов вот это цивилизационное наше замедление, цивилизационные наши тупики, которые не соответствовали мировым уровням, мировым моделям, мировым стандартам, как они, в конце концов, привели к тому, что страна зашла, действительно, в цивилизационный тупик.

И вот очень многие спрашивают сегодня, почему развалился Советский Союз, потому что и разведка американская работала, и виноват был, значит, там и Брежнев, виноват Горбачев, не туда повел, понимаете, и Ельцин, значит, приложил руку к тому, что это государство развалилось. Я думаю, что в силу того, о чем мы сегодня говорим, я думаю, что дело очень просто объяснялось, просто эта система не выдержала испытания

временем, просто эта система 70 лет существовала, скрипела, она тужилась, она дала возможность иметь коммуналку и горячую воду, но она не дала возможность достигнуть того уровня, комфорта, образа жизни, свобод и прав, которые имели основные развивающиеся страны мира. В этом проблема была основная и главная.

Система государственной собственности, система планового хозяйства, однопартийная система, в конце концов, которая руководила всей страной и с Генсеками, и прочее, и прочее, в конце концов, исчезла с арены мировой цивилизации.

Что появилось взамен? Появилась сегодняшняя наша система, появилась система уже нового государства, новой демократии, новых отношений в экономике, новых социальных отношений, и сегодня идет у нас полемика: так что это 90-е годы? – лихие, проклятые, катастрофические, это откат от мировой цивилизации или это какое-то движение вперед? Я думаю, что, когда мы размышляем о том, о чем мы сегодня говорим, я думаю, мы должны эти проблемы очень четко разделять.

Вопрос заключается в том, что 90-е годы и эта революция вернули России главное – вернули России, прежде всего, частную собственность, вернулись России рыночные отношения, и права и свободы людей, которые записаны в нашей Конституции и гарантированы – это свобода слова, которой не было, собраний, митингов, манифестаций, свобода забастовок, которая была под запретом и каралась жестоко в Советском Союзе, и другие права и свободы людей. Но вместе с этим появились и явления, о которых мы с вами только сегодня говорили о том, что рынок и рыночные отношения и частная собственность привели вот к тем частнособственническим наживным, так сказать, тенденциям, которые порой разрушают и личность человека, и разрушают и многое в государстве, и приводят ко многим явлениям катастрофическим в социальных отношениях.

И в чем преимущество в этом смысле продвинутых стран, западных, скажем, развитых стран? Они сумели в течение столетий, столетий сбалансировать вот этот частный интерес, эти рыночные отношения, эту тенденцию человека к наживе любыми путями, этот капиталистический хищнический порыв человеческой личности сумели его сбалансировать моментами социальной охраны, социальной балансировки, социального обеспечения и поддержки малоимущих людей. Вот этот то, чего в 90-е годы наши руководители и те, кто продвигал вот эти реформы в жизнь, они не сумели сделать.

Когда мы говорим с вами о общем движении человечества, необходимо иметь в виду и о том, иметь в виду и то, что Россия в течение долгого времени не являлась тем ключевым культурным регионом, к которым принадлежали в дальнейшем высокоразвитые страны. Это не вина России, это не вина русского народа или российского народа, это беда, это беда вот того расселения, той ситуации, которая в мире создавалась, когда люди выходили от первобытного строя, создавали свои государства, создавали свои цивилизации. Россия в это время была неведома, неизвестна,

Первые цивилизации, как вы знаете, зародились, ну, это Средиземноморье, это бассейн северной Африки, это западная... Западная Азия – вот это ключевые культурные регионы. Там был климат благодатный, там были извилистые берега, там были теплые моря, там были порты, которые люди использовали для мореплавания, там были превосходные условия для земледелия, там, наконец, началась первая плавка бронзы, потом железа. Это все были регионы Средиземноморья, это был первый культурный, крупный культурный ключевой регион мировой цивилизации.

Таковыми же культурными ключевыми регионами были, скажем, Китай, как самостоятельная цивилизационная система, Индия. Наверное, и все, наверное, и все. Но в течение вот долгого времени ключевым культурным регионом для Европы, по крайней мере, потом для всего мира оставалось Средиземноморье и Западная Азия. Очень часто приходится слышать голоса относительно того, что это атлантическая точка зрения, это прозападная точка зрения, это чуть ли не антирусская точка зрения. Зачем так поднимать западную цивилизацию? Да ее не нужно поднимать, она сама поднялась. Эта западная

цивилизация создала греческую цивилизацию, позднее – римскую цивилизацию, потом это объединилось в так называемый Греко-римский мир, Атлантический мир, который в дальнейшем оказал огромное связующее влияние, цивилизационное влияние на Южную Европу, а потом и на всю Европу в целом.

И я думаю, что, когда мы говорим об этом ключевом культурном регионе, примерно до 16-го века этот культурный регион, развиваясь, и совершенствуясь, овладевая и просто транслируя научные знания, технологические знания, он в течение долгого времени соперничал с другим культурным регионом мировым, это с китайской цивилизацией, с китайской цивилизацией. И только в 16-ом веке, так считается в науке, постепенно атлантическая цивилизация, оказалось, взяла верх над китайской цивилизацией, взяла верх над этой восточной цивилизацией, над великой цивилизацией, которая изобрела бумагу, порох и так далее, но которая не выдержала конкуренции с теми возможностями, которые дал вот этот Атлантический культурный регион с его технологиями, с его изобретениями в области вооружений, военного искусств, в области науки, техники и так далее и так далее. И 4-угольный китайский парус, в конце концов, уступил место новому технологически более сильному и оправданному 3-угольному парусу каравелл Магеллана, Колумба и других. Это было как бы символично.

После этого, начиная с 16-го века, с 17-го века, постепенно западный мир начинает опережать великую китайскую цивилизацию. И в этих рамках мы ставим себе такой вопрос, а вот наша Восточная Европа, наша Россия, куда она тянулась, за кем она шла? И, когда мы говорим о культурных регионах, мы должны четко себе понимать, что культурный регион – это не просто какая ограниченная система, это система, которая обрастала буферными зонами, обрастала периферией, обрастала другими народами, племенами, государствами, и, в конце концов, создавала вот этот общий человеческий регион, по крайней мере, европейско-азиатский до Урала, который в дальнейшем и стал называться Европой.

Есть такая точка зрения, ее можно, конечно, опровергать, но можно ее, конечно, защищать, о том, что Римская, Римско-греческая цивилизация имела вторую зону, так называемую зону периферийную, куда попадали Балканы до определенного времени, Центральная Европа с ее германскими племенами, и другими племенами, народами, сюда же попадала часть Восточной Европы – это вот была периферия ближайшая, на которую огромную влияние имела вот эта самая Греко-римская цивилизация.

Наконец, был третий, третья зона, третья зона, которая заключалась в том, что она состояла из народов и племен, которые имели очень малые контакты с Греко-римской цивилизацией, и в силу этого во многом отставали. Обидно это? Обидно! Но это факт, который отрицать невозможно. И по мере того, как вот это движение обмена, синтеза, трансляции с нами все больше и больше убыстрялось, вот эта периферия, эта третья зона, они все больше попадали под влияние этих явлений, движений, тенденций общего культурного региона.

Куда относилась в это время Восточная Европа, Россия? Она частично относилась ко второй зоне, частично относилась к третьей зоне – это факт, который мы отрицать не можем. Но самое интересное другое, что вот эти культурные регионы ключевые они не оказывались и в истории развитии цивилизации постоянными, застывшими. Они жили, они развивались, и, в конце концов, достигали кульминации, и они падали, они исчезали, они уходили с истории, с подиума исторического. Рухнула Греция, ушла греческая цивилизация, рухнул Рим, ушла Римская цивилизация. Вместо этого появились государства Западной Европы, которые сами стали ключевым культурным регионом. Тоже Франкское государство, позднее Германия, Италия, Франция, позднее еще Англия. Они стали сами ключевыми культурными регионами, которые создавали свою периферию, создавали свою вторую зону, третью зону. Это была история, действительно, развития цивилизационная всего человечества.

А Россия? Россия до определенного времени находилась в третьей зоне, и по мнению ученых, являлась в зоне этого третьего кольца, которое было далеко от Рима, от Греции, но которое очень тесно начинало все больше и больше сотрудничать с Византией, которая, вы знаете, отделилась от Римской империи, и стала самостоятельным государством, и религиозным центром, ключевым культурным регионом и так далее. Россия попадала под влияние Византийской цивилизации. Но времена шли. Постепенно Византийская империя шла к упадку. Возвышалась на востоке Европы новое государство. Сначала Московская Русь, в дальнейшем Российская империя, и так далее и так далее. Московская Русь даже претендовала даже на то, чтобы быть Третьим Римом, вы знаете, и это была не оговорка, это было нормально, потому что взамен разрушенной, старой империи, дряхлой империи, исчезнувшей появилась новая, рождалась новая империя, новая система московская, потом Российская, императорская, которая сама становилась новым культурным регионом и культурным центром для огромного периферийного окружения.

Потому что за пределами вот этого небольшого пока государства Московского, потом более уже значительного государства Российского шла огромная периферия Предуральская, Северная, Западно-Сибирская, Сибирская, Дальневосточная и так далее. Вся огромная вот эта периферия она была под влиянием тех ценностей, тех новаций, тех достижений, технологий, культуры, образований, прочее и прочее, которая концентрировалась в Московском государстве, а позднее – в Российскую империю. Вот это была эстафета. И в этом смысле наша Россия позднее, правда, но заняла тоже место этого культурного центрального региона, который оказывал большое влияние на народы, которые населяли и северо-запад страны, и северные районы, и Предуралье, и Сибирь, и Дальний Восток и так далее. И это нормальное явление. Я думаю, что в этом смысле мы должны понимать и роль нашего культурного региона в рамках общецивилизационного развития и в 15-ом веке, в 16-ом веке, и позднее, вплоть до сегодняшнего дня. Я думаю, что вот это мы тоже мы должны над этим думать, когда говорим о наших проблемах, связанных с частью России, с историей России, как частью мирового цивилизационного процесса.

Если у вас есть вопросы, я с удовольствием на них отвечу.

Вопрос: Есть вопрос.

Пожалуйста.

Вопрос: Меня зовут Леонид Аветисов, студент журфака РГГУ.

Были ли в России такие явления, это к вопросу о реформации, вроде бы всем известно, что реформация началась с 95 тезисов Мартина Лютера против индульгенции, вот , были ли в России такие явления как индульгенция, инквизиция.

Ответ: Что касается вот вопроса о реформации, об индульгенции, об инквизиции, то можно ответить так, что элементы реформации, элементы реформации в России были, вот и в 16-ом веке, естественно, вот я вам говорил о ересь, которые в это время появлялись, и скажем, шли из Новгорода, ересь жидовствующих известная, против которой выступили русские церковники в 16-ом веке, которую вначале поддерживал даже Иван Третий в силу того, что он боролся против влияния церковного, экономического и политического, и в этом смысле использовал эти ереси. Но в таком объеме и в таких масштабах реформации в России не было.

Православная церковь практически поколеблена не была, и глубина вот этой реформации она в России достигла той степени, как это было, скажем. в Северной Европе, в Германии, в других странах. Как известно, что реформация тоже не затронула в значительной степени, скажем, Италию, Францию, части Франции, но ограничилась в основном вот Северной Европой, Англией, Скандинавией впоследствии.

Что касается России, то думаю, что вот то, что в России не состоялось такого реформационного движения, как Европе, думаю, было одним из знаковых явлений,

которое говорило о том, что Россия и в этот период времени еще не была готова к тем переменам гуманистического характера, личностного характера, которое произошло в Европе, в частности, реформации и создания протестантского направления в христианстве, оно базировалось на стремлении отдельного человека утвердить, самоутвердиться и получить свободу не только в отношении экономическом, социальном, но и в отношении религиозном. Собственно говоря, протестантский пастор – это не посредник между Богом и человеком, как, скажем, в католической религии или в православной, это почти светский человек, который помогает движению души человеческой вот в определенных условиях в храма протестантском выполнять те ритуалы и те , значит, вот делать движения души совершать, которые человек может и сам, и может при посредничестве делать и пастора. Вот это.

А что касается индульгенции, и конечно, вот этой системы в России не было, что касается инквизиции, то инквизиция – это часть католической, это часть истории католической реакции, которая зверствовала в Италии и в Испании, и которая говорит о том, что вот эти средневековые догматы религиозные, католические жесточайшие, они противостояли вот тому движения освобождению человек из-под власти, вот тоталитарной, даже скажем, власти церкви, которая существовала в позднейшем католичестве в Европе, особенно в южной и в западной Европе, в Испании.

Что касается таких явлений, как инквизиция в России, преследования были. Ну, скажем, еретиков жгли в деревянных клетках на льду Москвы-реки. Такие явления были. Но массового характера, массового истребление инаковерующих и массового вот этого давления на людей, исповедующих другую религию, в России не было никогда. Россия, я бы сказал так, была страной веротерпимой, веротерпимой это отличало нашу страну и нашу церковь Православную от, скажем, католических стран и католической религии, церкви в Западной Европе. Почему? Потому что страна была многонациональная, страна была многоконфессиональной, и в этой стране надо было держать пульс на единстве страны, надо держать было единство страны в целом людей разных национальностей и разных религий, в том числе и мусульман, и иудеев, и язычников, особенно язычников. И когда наши русские люди двигались по Сибири и завоевывали Сибирь, и осваивали Сибирь, и подчиняли Сибирь, то они несли в своих, так сказать, в рюкзаках декреты и указы царя Алексея Михайловича «не жесточью, не жесточью, а ласкою завоевывать эти страны, и ни в коем случае не подвергать язычников или инаковерующих давлению, не крестить насильно».